Ю.А.Баранов

ОТ ПАТЕРНАЛИЗМА К ПРАГМАТИЗМУ: АКСИОМА ИЛИ ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ОБМАН?

Любое событие в общественно-политической жизни страны становится по-настоящему значимым, если созвучно интересам общества и государства и дает импульс для осмысления произошедшего и адекватного практического реагирования. При этом само событие уже не нуждается в тривиальном шлейфе высоких политических дефиниций, как «историческое», «этапное», «переломное», «знаменующее» и т.д. Пафосные оценки подталкивают к поспешным выводам, которые, в свою очередь, приводят к неоправданно завышенным ожиданиям.

К событиям такого рода относится Конгресс зарубежных соотечественников (октябрь 2001 г.), собравший в российской столице делегатов из 47 стран мира ближнего и дальнего зарубежья. Конгресс оказался продуктивным по обилию идей, многие из которых заслуживают глубокой проработки и воплощения в контексте государственной политики в отношении российской диаспоры традиционного и ближнего зарубежья. Своими инициативами и предложениями зарубежные участники Конгресса побудили российское общество и государство к совместным практическим шагам.

Назовем некоторые из наиболее значимых шагов, что последовали сразу за этим Конгрессом.

1. В феврале 2002 г. Москва первой из российских регионов бросает «пробный шар» для выяснения инвестиционных возможностей представителей деловой элиты российского зарубежья в плане долгосрочного сотрудничества. Бизнесмены из 23 стран мира и московские предприниматели обсудили вопросы взаимовыгодного партнерства в различных сферах в рамках двухдневного «круглого стола», проведенного под девизом «Зарубежная диаспора – экономический потенциал России», наметили программу практических мер для наполнения конкретным содержанием процесса взаимодействия[1].

2. В сентябре 2002 г. московское правительство утверждает Комплексную целевую среднесрочную программу поддержки соотечест-

[1] См.: Москва и соотечественники: Информационный дайджест. № 1. «ДЖЕСТ КОМ». М., 2002. С. 2 – 6

венников за рубежом на 2003–2005 гг. и предусматривает почти 500 млн рублей на ее финансовое обеспечение. К разработке Программы были привлечены специалисты из академических институтов, практики, представляющие различные министерства и ведомства города[1].

3. В октябре 2002 г. учреждается «Международный совет российских соотечественников». Это международное общественное объединение намерено направить свои усилия на достижение таких целей, как консолидация многонациональной российской диаспоры, координация и активизация деятельности ее общественных организаций, упрочение их связей с исторической родиной, содействие формированию эффективной системы взаимодействия государственных и общественных организаций России с объединениями российской диаспоры и др.[2]

4. В ноябре 2002 г. Правительство Российской Федерации утверждает «Основные направления поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на 2002 – 2005 гг.», а бюджетные ассигнования на эти цели увеличивает с 135 млн (2002 г.) до 252 млн рублей (2004 г.), то есть почти вдвое[3].

5. В декабре 2003 г. Указом Президента Российской Федерации вносятся изменения в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства РФ. Зарубежные соотечественники не обманулись в своих ожиданиях: для них важными стали не только новые правила по упрощенному порядку принятия российского гражданства, но и порядок приобретения гражданства в соответствии с международными договорами[4].

Предпринятые шаги являются иллюстрацией практического воплощения модели взаимодействия России с зарубежной диаспорой, которая вбирает в себя три неравнодействующие составляющие: патерналистскую (доминирующую), репатриационную (с известными оговорками) и прагматическую (в «зачаточном» состоянии).

Упор на первую и в меньшей степени на вторую составляющие вытекает из материальной и моральной ответственности России как правопреемника СССР за судьбы миллионов соотечественников,

---

[1] См.: Комплексная целевая среднесрочная программа поддержки соотечественников за рубежом на 2003 — 2005 годы: Сборник материалов. М., 2002. С. 11.

[2] См.: Москва и соотечественники: Информационный дайджест. № 4. «АДМТЕМА». М., 2003. С. 23

[3] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.11.2002 г. № 1663-р.

[4] См.: Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье: Информационно-аналитический бюллетень № 3 (91). М., 2004. С. 171 — 178.

которые в одночасье оказались жителями новых государств. Бремя этой ответственности и вытекающих из нее обязательств России придется нести до тех пор, пока государства, возникшие на постсоветском пространстве, не «переболеют» свалившимися на них независимостью и суверенитетом и не приведут свою политику в отношении «нетитульных национальностей» в соответствие с нормами международного права и существующими двухсторонними договорами. Как показывает десятилетняя практика, этот процесс проходит сложно и противоречиво. В обозримой перспективе не просматривается появление каких-либо веских факторов, способных привести к пересмотру основного вектора государственной политики, по крайней мере, по отношению к соотечественникам, проживающим в странах СНГ и Балтии.

Некоторые аналитики, справедливо полагая, что одним из важных итогов Конгресса соотечественников является декларация принципиально нового подхода к российской диаспоре как к демографическому, интеллектуальному и социокультурному ресурсу России, считают, что новый подход означает не что иное, как «перевод проблемы взаимодействия с зарубежной диаспорой из сугубо патерналистского (защита прав соотечественников) в прагматическую сферу (использование потенциала диаспоры)»[1]. Такая постановка вопроса, даже в гипотетическом виде, способна дезориентировать значительную часть российской диаспоры. Он воспринимается как отказ или, по меньшей мере, как существенное ослабление основной составляющей государственной политики поддержки соотечественников за рубежом.

Проблема потенциала российской диаспоры, его компонентов и параметров по сей день остается не тронутой научными исследованиями темой. Использование государством потенциала зарубежной диаспоры предполагает наличие хотя бы минимума знаний и представлений о его реальном состоянии и возможностях.

С этих позиций вряд ли можно принять вывод аналитиков за аксиому, но даже если принимать его за добросовестный самообман, то лишь как желание или попытку прогнозировать возможный поворот в развитии данной проблематики в достаточно далекой перспективе, на которую, безусловно, следует работать в опережающем режиме уже сегодня во всех сферах жизнедеятельности: по линии государства, общества, бизнеса и науки.

В такой проекции вопрос действительно становится актуальным и заслуживает анализа тех аспектов, на которые указывают аналитики, а именно:

[1] См.: Российская диаспора в системе международных связей. М., 2002. С. 1.

— каков организационный, финансово-экономический и политический потенциал российской диаспоры как основы «русского мира», связанного с Россией и являющегося своеобразным ее «продолжением» за пределами территориальных границ;

— какая часть российской диаспоры способна стать экономическим, политическим и информационным ресурсом российской политики за рубежом, фактором укрепления наших позиций в других странах, в том числе в сфере языка и культуры;

— каким образом можно оптимизировать взаимодействие российских государственных и общественных структур с «продвинутой» частью российской диаспоры, создав тем самым ресурс для поддержки других слоев диаспоры.

Пока ученые не пришли к единому толкованию идеи «русского мира». Однако очевидно, что он не может быть конкретизирован и переведен в практическую плоскость по типу идеологической формулы «азербайджанства», публично выдвинутой лидером Азербайджана и им же расшифрованной в выступлении на открытии Всемирного съезда азербайджанцев в Баку (ноябрь 2001 г.): «Азербайджанцы должны влиять на политику своих стран в пользу Азербайджана»[1].

Столь жесткий прагматический подход не вполне корректен по отношению к азербайджанской диаспоре, насчитывающей около 40 млн человек. Только в России ее численность колеблется от 2 до 3 млн человек, включая так называемых экономических, или трудовых, мигрантов. Столь же некорректен он по отношению к тем 70 странам мира, в которых имеется азербайджанская диаспора и чьи интересы не обязательно должны совпадать с интересами Азербайджана. В то же время такой подход может выглядеть обоснованным в плане ожидаемой отдачи, учитывая высокую степень организованности азербайджанской диаспоры в различных странах мира (в России она насчитывает 47 региональных объединений) и ее финансовую самодостаточность.

В идеологической формуле «русского мира» российская диаспора выступает как органическая часть общества страны проживания, активно и непосредственно участвующая в процессе сближения народов, как «мост» и активный субъект «народной дипломатии», но не фактор давления, который должен влиять на политику своих стран в пользу России.

Элемент «долженствования», заложенный в формуле «азербайджанства», отсутствует в системе исторических координат, в которой

[1] См.: Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика. М., 2003. С. 177.

формировалась российская диаспора. В плане моральной ответственности ни царской, ни советской, ни современной демократической России никто ничего не должен ни в ближнем, ни в дальнем зарубежье. Принадлежность к «русскому миру», как справедливо отмечалось на Конгрессе соотечественников, проходит через духовное самоопределение. Это состояние души, которое «аршином не измерить».

Данные социологических исследований и экспертных оценок позволяют говорить о возможности использования потенциала российской диаспоры в обозримой перспективе лишь как о чрезмерно завышенных ожиданиях. Эти данные выявляют ряд отнюдь не формальных признаков, служащих тому подтверждением:

1. Российская диаспора традиционного зарубежья формировалась несколькими волнами эмиграции на протяжении длительного времени. У каждой из них различная степень ассимиляции и адаптации, свой образ России, свое представление о прошлом, настоящем и будущем. Мотивация ее поведения и восприятия событий в России существенно иная, чем у диаспоры ближнего зарубежья. Традиционная диаспора больше отдалена своими сложившимися интересами от России и больше инкорпорирована в западную систему ценностей.

2. Экономический потенциал русской диаспоры традиционного зарубежья исторически ориентирован на рынки западных стран. Привлечение ее капитала в виде инвестиций зависит от многих факторов, в частности, от состояния законодательного и правового поля в России. К сожалению, за последние десять лет знаковых изменений в этом отношении наблюдалось мало. Зато многомиллиардный отток отечественного капитала за границу являлся настораживающим и сдерживающим фактором. Для деловой элиты русской диаспоры дальнего зарубежья это служило индикатором несформировавшихся условий для стабильного функционирования отечественных, а значит, и зарубежных предпринимательских структур.

Такова природа бизнеса: он не пойдет туда, где ненадежно и невыгодно. Никакие объединительные идеи, даже идея «русского мира», не смогут встретить ожидаемого отклика, если не будут подкреплены созданием стабильных условий и благоприятного инвестиционного климата.

3. Для российской диаспоры ближнего зарубежья внутренняя разобщенность и раскол между общественными организациями являются типичными. Особенно отчетливо это проявляется между организациями, объединяющими адаптированную часть соотечественников, и организациями, выражающими интересы тех слоев, которые

нуждаются в социальной и правовой защите. Ситуация усугубляется амбициями и притязаниями лидеров организаций на роль единственных выразителей интересов диаспоры. Неспособность некоторых лидеров адекватно реагировать на изменения социально-политической обстановки приводит к маргинализации деятельности их организаций и конфликтным отношениям с властными структурами стран проживания.

4. В странах ближнего зарубежья не сформировался внутридиаспоральный капитал, обеспечивающий финансовую самостоятельность для эффективного решения уставных задач.

5. Низкая степень интеграции представителей российской диаспоры ближнего зарубежья в государственные и общественно-политические структуры стран проживания не позволяет существенно влиять на политику властей в отношении диаспоры.

Таким образом, общая картина выглядит малоутешительной: большинство организаций российской диаспоры являются организационно и финансово слабыми, их действия не согласованы, добиться консолидации соотечественников им пока не удается[1].

Эти характеристики потенциала российской диаспоры, если и служат основанием для «перевода» задач государства в прагматическую сферу, то отнюдь не в целях использования, а всемерного содействия развитию этого потенциала. Именно в таком прочтении следует толковать позицию, обозначенную в выступлении главы Российского государства на открытии Конгресса соотечественников: «...очень многое зависит от граждан России – от их политических и общественных объединений, и, конечно, от ваших организаций. К сожалению, эти ресурсы пока используются плохо. И, думаю, задача нынешнего Конгресса – сделать здесь первые практические шаги. Все это станет (во всяком случае, может стать, уверен в этом абсолютно) реальным вкладом в консолидацию диаспоры, в укрепление ее связей с Россией. А если это произойдет, то и Россия почувствует положительный эффект на себе»[2].

Новый подход к зарубежной диаспоре предполагает партнерские отношения, взаимодействие государства и диаспоры на паритетных началах. Российское государство готово пройти свою часть пути к российской диаспоре, создавая благоприятное законодательное поле, оказывая финансовую, юридическую, дипломатическую и политическую поддержку, содействуя, наконец, развитию

[1] См.: Российский вектор-2003: Информационно-аналитический бюллетень. 2003. № 1(14). С. 6.

[2] Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11 — 12 октября 2001 года. Итоговые материалы. М., 2001. С. 7.

потенциала российской диаспоры. Но и диаспора, в свою очередь, взаимодействуя с исторической родиной, призвана стать партнером и деятельным участником процесса, прежде всего в сфере самоорганизации и консолидации, своего обустройства. Только успешное продвижение по такому пути позволит вывести вопрос использования потенциала российской диаспоры из области завышенных ожиданий.